

Жесть, или Трагедия мичмана Осипова

1

За кормой подводной лодки, уходящей в море на учебные торпедные стрельбы, вдали, размытые утренним туманом, виднелись чёрные скалы «Три брата». Размеренно и гулко грохотали мощные дизели, и пенные буруны, поднимаемые двумя винтами, сливались с гребнями волн. Слегка штормило. Свежий прохладный ветер задувал под меховые воротники кожаных альпаков, подхватывал брызги от форштевня, доносил до верха рубки, обдавал лица вахтенных солёной моросью. Однако не прошло и часа, как к немалому удивлению рулевого на мостик поступил приказ штурмана лечь на обратный курс.

– Закончить малую приборку... Вестовым накрыть столы в кают-компании... Команде пить чай, – объявил по корабельной трансляции вахтенный центрального поста и спокойным ровным голосом добавил: Старшине команды гидроакустик мичману Осипову прибыть к командиру корабля. Повторяю: мичману Осипову прибыть в каюту командира.

– Это ещё зачем? – поднимаясь из-за стола и внутренне напрягаясь, проговорил Осипов, привычно одёргивая тужурку и надевая пилотку. – Во время завтрака... Что за спешка? Я не на вахте...

– Зачем обычно кэп вызывает? Очередной втык сделать! – хохотнул боцман Белоусов, весельчак и балагур. – Чопик деревянный и мыло прихвати, Стёпа... Авось, сгодятся...

– Дурак ты, боцман, и шутки твои дурацкие... Пошёл ты... А куда, сам знаешь... – глянув на себя в зеркало, огрызнулся

Осипов. – Пей кофе и не мочи в нём усы... На скатерть не капай, неряха... Про свой чопик не забудь... Тоже, может, понадобится... Не кэп, так старпом забьёт его тебе в одно место... Найдёт за что...

– Да ладно... Расслабься, Стёпа... Шуток не понимаешь что ли? – примирительным тоном протянул Белоусов. – Ну, вызывает... Ну и что? Наверное, за твоего молодого акустика, вылакавшего спирт, полученный на протирку приборов.

– Точно... Как это я сразу не сообразил? Ну, конечно, из-за Нечипорука вздрючит меня Малышев... Ох, и задам паршивцу, как вернусь! Он у меня из трюма не вылезет!

– Вот, видишь... А ты сразу в пузырь... Зря боялась, дурёха... Совсем и не больно... Полный вперёд, Стёпа! Попутного тебе в спинку! – гоготнул Белоусов. – О-ёй! Чёрт бы побрал эту качку! Скорее бы занырнуть поглубже, – чертыхнулся он, придерживая рукой елозивший по столу кофейник.

Осипов ещё раз придирчиво осмотрел себя и вразвалочку, соразмерно палубе, валящейся то на левый, то на правый борт, двинулся из отсека в отсек, ныряя в сферические переборочные двери, всякий раз привычно двигая вверх-вниз рычаг кремальеры, отдраивая и наглухо задраивая их за собой.

– Разрешите? – постучал он, открывая лакированную дверь с горячей золотом табличкой: «Командир ПЛ».

– Войдите, – услышал в ответ. И вскинул руку к пилотке: – Товарищ капитан первого ранга! Мичман Осипов по вашему приказанию...

Он не успел договорить. Строгий, требовательный командир Малышев шагнул навстречу, прервал доклад необычными для него мягкими словами: Присаживайтесь, Степан Ильич...

«Что бы это значило?» – подумал Осипов, посматривая на присутствующих в командирской каюте старших офицеров. На диванчике полукругом понуро сидели старший помощник

капитан второго ранга Чернышов, заместитель командира по воспитательной работе капитан третьего ранга Полищук и командир радио-технической службы капитан-лейтенант Ваксман.

– По долгу службы... Обязан сообщить... Степан Ильич... – прерывающимся голосом начал кэп. – Для всех нас это... большое горе... Степан Ильич... Стёпа... У нас у всех семьи... Мы понимаем, как тяжело...

– Что-нибудь случилось на корабле? – вырвалось у вскочившего с диванчика мичмана.

– Да ты сиди, Стёпа... Сиди... – положив широкие ладони на погоны Осипова, сочувственно сказал Малышев и отвернулся, сморкаясь, пряча лицо в носовой платок.

От Осипова не укрылось, что офицеры угрюмы и молчаливы. Однако, как младший по званию и должности, мичман не осмеливался спросить: «А что же всё-таки произошло? Судя по всему, матрос Нечипорук, выпивший с приятелями выданный ему спирт, здесь ни с какого боку...» Малышев, не терявший присутствия духа и самообладания в боевой обстановке, в сложившейся ситуации не нашёл в себе силы продолжать. Вытирая мокрые глаза, махнул на своего заместителя.

– Юрий Павлович... Скажите своё слово...

Полищук, отводя глаза от мичмана, уставился на макет подводной лодки, блестящий отполированным эбонитом на плексигласовой подставке, перевёл взгляд на фотографию красивой молодой женщины и девочки с белыми бантами в жидких косичках, висевшую над койкой. Собираясь с мыслями и заметно волнуясь, словно курсант-первокурсник на экзамене, упавшим голосом начал издалека:

– Видите ли, Степан Ильич... Мы, моряки-подводники, люди мужественной профессии... Не должны... Не имеем

права поддаваться отчаянию, проявлять малодушие в жизненных потрясениях...

– Прошу прощения, Юрий Павлович... Мне напоминать об этом считаю излишне... Я в подводники пошёл добровольно, – нетерпеливо перебил зама Осипов. – Скажите же, наконец, что у нас на лодке произошло?

– Получен приказ от оперативного дежурного по штабу дивизии: семьдесят пятой срочно возвратиться в Авачинскую бухту, – глухим голосом пояснил старпом Чернышов. – Там к нашему борту пришвартуется рейдовый катер с базы... Он снимет вас с корабля и доставит в Петропавловск-Камчатский... Приказом комдива вам предоставлен месячный отпуск с выездом на родину... Вылет из аэропорта Елизово сегодня в семнадцать ноль-ноль московского...

– Не понял... Как?! Почему? Я... Что? В море не иду? – возмутился Осипов, но было что-то печальное на лицах офицеров, отводящих глаза, и он, теряясь в догадках, растерянно добавил, пожав плечами:

– Тут какая-то ошибка... В отпуске нынче я был...

– Мужайтесь, Степан Ильич, – положив широкую ладонь на погон мичмана, тихо сказал Чернышов. – У вас трагически погибли дочь, сын и жена... Вот текст радиосообщения...

И старпом протянул Осипову серый бланк радиограммы. Печатные строки заплясали перед глазами мичмана.

– Не может быть... Это какое-то недоразумение... Ошибка... Нет! Не хочу верить... Этого не может быть! Я ещё два дня назад говорил с ними по мобильнику... Нет! – вскричал Осипов. Он держал в дрожащих руках невзрачный бумажный листок, мгновенно перевернувший в сознании всю прожитую жизнь, разделив её на «до этой минуты и после».

– Нет... Нет... Как это? – шептал Осипов онемевшими губами. – Что там могло случиться? Ведь я же совсем недавно говорил с ними... Все были живы, здоровы...

– Билет на самолёт вам заказан... Проездные документы и деньги вам передаст посыльный с базы...

– Какие ... ещё деньги? – хриплым чужим голосом выдал из себя Осипов, всё ещё надеясь, что радиограмма – неправда... Идиотский розыгрыш. Злая шутка. Вот сейчас все засмеются, и Ваксман, сочинитель небылиц, неправдоподобных историй, прыснет в белый, почти женственный кулачок и, как бывало, в автономном походе, во время боевого дежурства, весело спросит: «Ну, мичман... Понравилась вам история с бизнесменом, похороненным заживо в гробу? Вот это, я понимаю, жуть! Артур Конан Дойль со своим страшным рассказом «Собака Баскервилей» просто нервно курит в стороне... Ха-ха...» Нет... Чудо бывает только в сказках. А листок бумаги, вот он, такой безобидный на вид, содержит в себе до невероятного ужасное известие, страшнее которого для человека и быть не может. Офицеры хмуро молчали, подавленные несчастьем товарища, неожиданно грянувшим, как гром с молниями среди ясного неба. Ещё каких-нибудь несколько минут назад они, сидя в офицерской кают-компании, шутили, смеялись.

– Зачем мне деньги? Не нуждаюсь, – как из потустороннего мира произнёс Осипов, для которого разговор в командирской каюте всё ещё казался кошмарным сном, дурным бредом. Вот проснётся, придёт в себя, стряхнёт с себя дремоту и облегчённо переведёт дух: «Фу-у... Ну, и привидится же такая жуть...»

– Как, зачем деньги? Материальная помощь вам выделена командованием дивизии... Похороны... Прощальный ужин... Памятник... Оградка... Прочие расходы... – пояснил Полищук. Осипов машинально свернул вчетверо бланк, аккуратно провёл пальцами по сгибам, вложил в карман тужурки и поднялся на вялых, непослушных ногах.

– Разрешите идти, товарищ командир?

– Да, Степан Ильич... Держитесь, – крепко пожимая мичману руку, сказал Малышев.

Остальные офицеры тоже встали, вскинули руки к пилоткам, отдавая честь члену экипажа подлодки, одному из лучших акустиков дивизии. Осипов всё так же, вразвалочку, отправился в свою каюту. Но была ли то качка, или ноги не держали его, он и сам толком не знал. Однажды, выходя через торпедный аппарат в легководолазном снаряжении из потерпевшей аварию и затонувшей подводной лодки, он испытал наркотическое действие азота. И сейчас находился в состоянии, близком к умопомешательству. Готов был хохотать, как сумасшедший до одури и плакать навзрыд. Он упал в койку ничком, зарылся лицом в подушку и застонал, загребая наволочку скрюченными пальцами. Никто не пытался утешить мичмана, ибо ни у кого не нашлось бы участливых слов, способных заглушить страшное горе, облегчить незаживающую в сердце боль.

2

«Пришла беда – отворяй ворота» – гласит пословица. Так и случилось в судьбе мичмана Осипова, бывшего сироты, взятого на воспитание из детского дома добрыми бездетными людьми, ставшими для него родными. Стёпа с детства называл их папой и мамой, бескорыстно любил. И вот их нет. Не перенесли трагической гибели сношеньки Валентины, любимой внученьки Машеньки и дорогого внука Сашеньки. После похорон они слегли и вскоре умерли от сердечных приступов. Жена Валентина отца с рождения не знала, а матери лишилась пять лет назад. Ни братьев у неё, ни сестёр, ни дядьки, ни тётки, равно как и у Осипова. И остался вдовец один во всём свете. В одночасье потеряв родителей и семью, он уже не находил в жизни смысла, не мог ответить себе на

общечеловеческий насущный вопрос: «Для чего и во имя чего жить?» Но ещё оставался долг... Перед Отечеством, которому присягал. Перед экипажем и кораблём, ставшими для него всем: семьёй и домом. И он должен был выполнить его, возвратиться на флот и продолжить военно-морскую службу. «Да... Вернусь на лодку... Там ждут меня верные товарищи... Я нужен им... Они – моя опора в постигшем меня несчастье... С ними легче перенести горе...» Так думал Осипов, страдая в одиночестве в собственной «двушке» на седьмом этаже девятиэтажки, до дикости пустой, казавшейся теперь чужой и неприязненной. Это здесь, в уютных комнатах, совершено страшное преступление. Три месяца назад, во время приезда Осипова в отпуск, всё в квартире было милым и родным, от всего, что окружало его тогда, веяло теплом и счастьем. Тюлевые шторы на пластиковых окнах. Он привёз их из Сирии, где одно время К-75 базировалась. Ковёр из Индии. С визитом дружбы заходили в Бомбей. Бамбуковое панно из Вьетнама. Несли там службу. Столовая посуда из японского фарфора, набор хрустальных бокалов, подаренные экипажем на свадьбу. Платья, шубы Валентины. Книги, личные вещи Маши и Саши. Велосипед в углу. Коньки. Хоккейная клюшка валяется в углу. Флакончики с духами. Коробочки с косметикой. Баночки с кремами. Губная помада на трюмо. Тапочки у дивана. Туфли в прихожей. Халат, брошенный на спинку кресла. Настенные часы, имитирующие корабельный штурвал, остановленные чьей-то рукой. Мебель...

Угрюмым, тяжёлым, невидящим взглядом человека, убитого неутешным горем, смотрел Осипов на знакомую, но далёкую теперь обстановку квартиры. Сквозь пелену глаз, затуманенных слезами, с тупым безразличием смотрел на вещи, ещё недавно приносящие радость жене и детям, качал поседевшей головой, сжав её ладонями, и беззвучно выл.

Лишь иногда из груди вырывались вздохи, похожие на болезненный стон. Мичман не был бы подводником, если бы сейчас, охваченный щемящей сердце тоской, предался бы рыданиям и отчаянию. Как и подобает человеку мужественной профессии, наделённому большой силой воли, терпением, стойкостью и выдержкой, готовностью к самопожертвованию во имя спасения корабля, к испытаниям, как говорят подводники, «на прочность», он, молча, взирал на домашние вещи, словно брошенные впопыхах, в забывчивости, нетронутыми лежащие в полной тишине. Казалось, хозяева их отправились по делам и скоро вернутся. Жена Валентина, повар, ушла на работу в ресторан. Дочь Маша, одиннадцатиклассница, как всегда, опаздывая, убежала в школу. Сын Саша, студент-медик, уехал на маршрутном такси в институт. Вот скоро они вернутся, загадят весело, наперебой делясь новостями. Маша, надев набекрень отцовскую мичманку, будет шутливо козырять перед зеркалом. Саша, с гордостью за отца, благоговейно вынет из ножен клинок кортика, будет любоваться золочёным якорем на рукоятке. Жена Валя, стреляя в мужа безмерно счастливыми глазами, забренчит ложками, вилками, тарелками, накрывая стол, застеленный праздничной скатертью. Шутка ли сказать: «Папа Стёпа после плавания домой приехал! Радость-то какая!»

Воспоминания, одно тяжелее другого, камнем давили на грудь, не давали ровно дышать. Расстегнув крючки на вороте кителя, Осипов решительно встал, положил в дорожную сумку альбом с фотографиями жены и детей. Надел шинель, машинально пробежал пальцами по блестящим пуговицам с якорями, надел фуражку, так же, по привычке, выработанной годами военно-морской службы, приложил ребро ладони к вышитому золотыми нитками «крабу», подхватил сумку и вышел на лестничную площадку. Последнее, что он видел,

закрывая дверь на ключ: босоножки Валентины, сиротливо валявшиеся в углу прихожей. Сухо щёлкнул замок. И всё. Там, за дверью с табличкой «95» кончилась для мичмана Осипова прежняя жизнь добропорядочного семьянина и законопослушного гражданина. Он постоял с минуту, понимая, что уходит отсюда навсегда, не решаясь сделать этот последний шаг, но преодолел душевную слабость и вскинул, прощаясь, руку к блестящему козырьку мичманки.

– Прощайте, дорогие мои... Клянусь вам... Отомщу за вас, независимо от того, каков будет этим выродкам приговор суда! И месть моя будет для них настоящей жостью! Они рады будут умереть лёгкой смертью... Я не дам им такой возможности... Просто убить их, прикончив выстрелом из пистолета, будет несправедливо по отношению к вам, дорогие мои... Клянусь! Они издохнут в страшных муках... Я казню всех троих отморозков... Как? Пока, не знаю... Но придумаю для них нечто необыкновенное... Как сказал бы Ваксман: «Вендетта по-корсикански в новелле «Коломбо» Проспера Мериме просто отдыхает против такой мести!» Это будет настоящая жость! Твари очень пожалеют, что родились на белый свет... И позавидуют грешникам, пляшущим на раскалённых сковородах. Обещаю вам, дорогие мои Маша, Саша и Валя! Я устрою им настоящую жость!

Сказав так, Осипов вошёл в лифт, спустился вниз и зашагал по улице города, ставшего для него чужим и неприветливым. Долгий вечер мичман Осипов провёл в гостинице аэровокзала с бутылкой коньяка «Арарат». В полночь, приученный к флотской аккуратности, с трудом расстёгивая пуговицы, разделся, повесил китель в гардероб, сложил брюки по «стрелкам» и упал в кровать...

Они бродили где-то неподалеку от Гавайских островов, несли в океане боевое дежурство, скрытно наблюдая за военно-морскими учениями Седьмого американского флота. Потенциальный противник – неуклюжий, длиной триста тридцать три метра, авианосец «Честер У. Нимиц», мощностью в двести восемьдесят тысяч лошадиных сил, шёл к острову Гуам под усиленной охраной фрегатов и субмарин, рыскавших на десятки миль вокруг него. Но как в известной поговорке: «Чем выше шкаф, тем с большим грохотом он падает», «К-75» несколько раз незамеченной выходила на морского гиганта в условную торпедную атаку, и случись то же самое в военное время, от исполина не осталось бы «ни рожек, ни ножек». Не спасли бы его ни корабли, ни огромные противолодочные самолёты – «Орионы», пронесившиеся на низких высотах над районом учений. Радиометристы и акустики «семьдесят пятой» – глаза и уши подлодки, своевременно предупреждали командира о приближении «америкосов». Открыв кингстоны балластных цистерн, она проваливалась в океанскую глубину.

В изнурительные часы вахты мичман Осипов, внутренне слившись с подводным миром, словно растворившись в толщах мрачных глубин, не думал о постигшем его несчастье. Напрягшись до предела, чувствуя себя безмерно ответственным за живучесть корабля и безопасность подводного плавания, он вслушивался в молчаливо-великое дыхание океана, мысленно стараясь проникнуть в его неизведанные тайны. В наушниках то и дело раздавались пiski, посвисты дельфинов и китов, шумы шторма, громяющего огромными волнами где-то там, наверху. Нельзя ни на секунду отвлечься, расслабиться, предаться мечтам, воспоминаниям, потусторонним желаниям. Командир корабля, весь экипаж надеются на него,

вверяют ему свои жизни. В любую минуту среди привычных природных звуков неослабевающий чуткий слух должен уловить ещё пока далёкие «ти-ти-ти...», нарастающие «та-та-та...», быстро распознать их, классифицировать. И тогда в центральном посту раздавался уверенный голос вахтенного гидроакустика мичмана Осипова:

– Шум винтов фрегата «Даунес» по левому борту... Пен-ленг... Дистанция...

Находясь в состоянии «весь внимание», Осипов, образно говоря, «отключался» от всего, что не касалось бдительного несения вахты, не чувствовал самого себя. Сигналы сложной акустической аппаратуры и ничего более. Когда приходил сменщик, возвращая к реальной действительности, Осипов нехотя вставал с кресла, уступая другому акустику место за пультом слежения. Мичман знал: придёт в каюту и гнетущие мысли болезненных воспоминаний вновь придавят к койке, ввергнут в пучину страдальческих переживаний и мучительной бессонницы. В общении с товарищами он стал замкнутым, неразговорчивым, малообщительным, перестал смеяться и радоваться прелестям жизни, горячо обсуждаемым подводниками, с нетерпением ожидающими возвращения из похода. Его прежнее радушное, приветливое лицо с непри-нуждённой улыбкой теперь напоминало угрюмую маску с бесстрастным взглядом ничего не выражающих глаз, сжатых губ под обвислыми усами, с морщинами, прорезавшими лоб. И лишь тщательно выбритые бледные щёки, причёсанные на пробор седые волосы, отглаженная форменная одежда, хорошая книга на полке в каюте, являлись свидетельством того, что начитанный, интеллигентный мичман Осипов аккуратен во всём, следит за своим внешним видом, а, стало быть, не потерял присутствия духа, не растратил богатого внутреннего содержания, не опустился до пьянства, в которое нередко

впадают малодушные люди, не выдержав жестокого удара судьбы. Но всякий, проникший как-либо в сознание внешне спокойного, сдержанного в словах и поступках товарища, члена слаженного экипажа, ужаснулся бы, узнав, что творится в мятущейся душе несчастного человека. Заложив руки за голову, уставившись немигающими влажными глазами в подволок, Осипов подолгу, не выходя из каюты, лежал и думал... о мщении убийцам его жены и детей, виновникам скоропостижной кончины родителей. Работники уголовного розыска, следственного комитета и прокуратуры города в течение нескольких дней раскрыли тягчайшее преступление, арестовали троих выродков, великовозрастных обалдуев, представителей пресловутой «золотой молодёжи» – сынков преуспевающих местных богачей, воротил бизнеса, наживших состояние рэкетом, жульничеством, мошенничеством и другими, столь же неблаговидными делишками. Кое-как окончив среднюю школу с помощью влиятельных пап и мам, «золотая молодёжь» не пожелала учиться дальше, приобрести профессию, пойти работать. «Зачем нам грызть гранит наук, если у нас уже всё есть? Зачем напрягаться трудом, если можно богатеть воровством, грабежами, обманом?» – рассуждали они за стойками баров, ссылаясь на опыт своих наглых родителей, хамоватых, надменных от своей сытости и тупости. «Отмазанные» от призыва в армию всё теми же богатенькими предками, трое приятелей кутили в ресторанах, устраивали пьяные оргии: дебоши, скандалы, драки, в нетрезвом виде гоняли по городу на своих дорогих иномарках, с весёлым смехом выплачивая штрафы за беспредел на дорогах. И всё сходило с рук моральным уродам. Деньги «хозяев» города: владельца рынка, строительной компании, сети ресторанов и кафе, торговых центров и аптек Гущина, Дрёмина и Пустовалова чудным образом, легко и просто, сво-

дили на «нет» любые попытки правоохранительных органов привлечь зарвавшихся юношей к ответственности.

Но однажды, уставшие от попоек и надоевшего катания по улицам на автомобилях, Денис Гуцин, Артём Дрёмин и Кирилл Пустовалов, как явствует из протоколов допроса, «решили развлечься романтично...»

– У Машки Осиповой пахана дома нет... В плавании мари-ман... Братан Сашка на автобусе укатил с рюкзаком и лыжами... Сам видел... Завалим к Машке с пойлом, – вытаскивая из-за спинки сиденья бутылку водки, развязно предложил Гуцин, волосатый и лохматый. – Клёвая тёлка... Огуляем по полной...

– А чё, в натуре? – пьяно куражась, ощерил кривые зубы, гладко, до блеска, обритый Дрёмин. – Кайф словим...

– Ништяк, пацаны... А старая вешалка... Мамаша её... Вдруг заявится, – засомневался Пустовалов с «ирокезом» на хмельной голове. Его крашенные волосы, собранные на затылке в длинный узкий пучок, торчали лиловым петушиным гребнем.

– Не парься... Повариха, она в кабаке... Раньше часу ночи не притащится....

– А если Машка не захочет?

– Ну, ты, Кирюха, в натуре... Кто её спрашивать будет?! В хайло пойла нальём... Припугнём... Скажем, что если будет рыпаться, подушкой придавим...

– А потом? Вдруг в ментовку побежит с малявой...

– Не побежит... Волыну приставлю к башке... Скажем: «Сделаешь заяву – тебя, мамашу и братухана замочим», – хохотнул Дрёмин, выказывая забор из кривых зубов.

– Не побежит... Бабла дадим... Куска три зелёных, – важничая, подражая отцу, уверенным тоном добавил Гуцин.

– Ни фига себе! – присвистнул Дрёмин. – Не дороговато ли? И куска хватит этой... – запнулся он, подыскивая непри-

личное слово для Маши Осиповой. Раскрыл, было, рот, но Гущин опередил его:

– У моего предка этих... зелёных... море... Сколь хочу, столь и беру... Ну, так что? Едем, что ли?

– Давай, Денис... Рули к Машке... Оттопыримся сегодня с романтикой! Надоел кабак... Эти гонки с удираловками от ментов... Скукотища... – наигранно зевнул Дрёмин, прикрывая ладонью щербатый рот.

Разгульная тройца подкатила к подъезду дома, где жила семья Осипова. Позвонили в домофон.

– Слесарь-электрик... Проверка электропроводки... Замыкание на линии, – подмигнув приятелям, представился Гущин.

Ничего не подозревавшая девушка открыла дверь, увидела троих подвыпивших парней, потянула дверь назад, пытаясь захлопнуть, но Гущин подставил ногу в кроссовке, оттолкнул Машу, зажал ей рот.

– Замолчи, стерва... Будешь орать – удавлю...

За Гущиным в квартиру вломились Артём Дрёмин и Кирилл Пустовалов. Что было дальше, не увидеть даже в кошмарном сне. Машу насильовали, развратничая, измывались над ней, били за сопротивление их домогательствам. Сухие строки объёмистого уголовного дела повергли в ужас выдавших виды следователей и судей. Поздно вечером уставшие от похоти насильники засобирались домой, пригрозив девушке убийством родных. Она лежала ничком, безудержно плакала. Её беззвучные рыдания выдавали вздрагивающие худые плечи.

– Всё, пацаны... Сваливаем, – торопливо одеваясь, сказал Гущин. Обернувшись, небрежно бросил через плечо:

– А ты, сучка, не лежи, как на пляже... Приведи себя в порядок, чтобы маман ничего не просекла... И ни гу-гу ей... Поняла? А не то... Сама знаешь... В канализации утопим...

– Или на мусорную свалку выбросим... И братухана, и мамашу, – подтвердил Артём Дрёмин.

– Ты же ей башли обещал дать, – напомнил Гущину Пустовалов... – Три штуки баксов... Надёжно заткнётся...

– Обойдётся... Пусть только вькнет...

Все трое ещё не сделали и шага к выходу, как дверь внезапно открылась, и перед перепуганными до смерти преступниками предстал неожиданно явившийся из несостоявшейся лыжной прогулки Александр Осипов. Как выяснилось на следствии, автобус в пути сломался, лыжники возвратились в город на попутной машине, и это роковое стечение обстоятельств стало причиной гибели Саши. Валентину Осипову, как уверяли позже работники ресторана, в тот злополучный день терзали какие-то нехорошие предчувствия. Вечером, сославшись на головную боль, она отпросилась у шеф-повара и поспешила домой. Но прежде матери в квартиру номер девяносто пять на седьмом этаже явился младший Осипов. Он увидел троих молодчиков, лежащую на полу растерзанную сестру и сразу всё понял. Скинув с плеч рюкзак, бросился на преступников, но как он мог противостоять им? Гущин несколько раз выстрелил в него из травматического пистолета. В шею, в висок, в грудь. Саша упал без сознания, но Дрёмин, «для пущей надёжности, как явствует из его показаний на суде, наступил ногой ему на горло и сильно надавил...» Валентина, войдя в прихожую, глянула на лежащего сына, у которого изо рта шла красная пена, и только успела вскрикнуть:

– Саша! Сыночек! Помогите! – как тотчас получила удар утюгом по голове. Остервенелые убийцы затоптали её ногами и в страхе бросились к дверям, но вдруг остановились, ошалело глядя друг на друга. Они ещё и сами не взяли в толк, как всё случилось, не верили в то, что произошло столь неожиданно и непредсказуемо.

Гущин опомнился первым.

– Стойте... Она всё видела, – прошептал он одними губами, показывая на Машу, поднявшуюся с пола во время убийства Саши и матери. Она стояла перед своими мучителями с расширенными, обезумевшими глазами, обнажённая, с кровоподтёками и синяками на теле, с растрёпанными волосами, застывшая, как изваяние.

– Она всё... всех нас... видела, – заикаясь, повторил Гущин, и вся сатанинская орава, не сговариваясь, кинулась на Машу. Её свалили на пол, душили, зажимали рот, не давали дышать. Она скребла ногтями пол, цеплялась за жизнь, но силы быстро иссякли, и когда Гущин накрыл её лицо подушкой и сверху уселся сам, её руки безвольно вытянулись вдоль скрюченного туловища.

– Ноги! Держите ноги! Лягается тварь... – панически заорал Гущин, трясясь как в лихорадке.

Ввиду непристойных подробностей, дабы не осквернять память безвинно убиенных, судебные заседания шли при закрытых дверях. Осипов не стал дожидаться их окончания и, по долгу службы, улетел на Камчатку.

«Семьдесят пятая» стояла у пирса. Поднимаясь на субмарину по трапу, мичман вскинул руку к фуражке, отдавая честь святыне корабля – военно-морскому Андреевскому флагу. Матрос-часовой с автоматом узнал, молча, пропустил на борт, приветливо кивнул. Простучав каблуками по гулко брэнчавшей палубе, Осипов отдраил металлическую дверь, ведущую на ходовой мостик в ограждении рубки, вошёл в неё и с лязгом прихлопнул за собой. Эта скрипнувшая на шарнирах, в пятнах ржавчины дверь, ещё не выкрашенная после автономного похода, на долгие годы отделила мичмана Осипова от всего мира.

Двадцать томительных для Осипова лет прошло с тех пор, как в морозный день, обдуваемый пронизывающим ветром, стоял он с непокрытой головой у холмика свежей, но уже смёрзшейся глины, обрамлённого мраморным надгробьем. Мелкий снежок сыпал на рыжие комья, на шинель и погоны. С фотографии на гранитном памятнике смотрели на него счастливыми весёлыми глазами безмерно дорогие ему дочь, сын и жена. И даже в траурно-печальную минуту не верилось в чудовищную реальность случившейся трагедии. Закоченевшие пальцы теребили меховую шапку с кожаным верхом, сжимались в кулаки. Занемевшими от холода и горя губами, сквозь зубы, стиснутыми в неукротимой, но бессильной злобе, потерявший семью человек в чёрной флотской форме не говорил, а, скорее, стонал:

– Отомщу-у... Убью-ю... гадов...

Стоявший рядом священник в долгополой рясе отец Василий тихо заметил: Мсть – тяжкий грех... Господь воздаст им в полной мере за содеянное...

– А-а... – махнул рукой Осипов. – Мне всё равно теперь... Готов на вечные муки в аду... Пусть покарает меня Бог, но отомщу сволочам... Кровь за кровь... Преступников накажут по закону... Они получают большие сроки тюремного заключения... Даже если их осудят на «пожизненно», в чём я сомневаюсь, то и тогда это не справедливый приговор... Они останутся жить... Будут дышать, есть, пить... Я не могу с этим согласиться... Они должны издохнуть, как бешеные собаки...

– Мстя, вы преступите закон. «Не убий», – заповедал нам Сын Божий... Смиритесь... Утешьтесь молитвами...

Осипов повернул к протоиерею бледное от гнева лицо.

– Вам легко говорить, потому что не вашу дочь изнасиловали... Не вашего сына и жену жестоко лишили жизни...

– Не приведи Бог, – перекрестился отец Василий.

– Вот именно... А за что пострадали мои ни в чём не повинные жена и дети?

– Пред их безгрешными душами распахнутся лучезарные врата Рая Господня...

– Вы, положи руку на сердце, сами-то верите в это?

Священник, перекрестившись, воззрил взгляд на небеса, оставил вопрос без ответа.

– Вот... Религия утверждает, что настоящая жизнь там... Однако люди не спешат в загробный мир... Хотят жить на этом свете... И вы в том числе...

Осипов наклонился, прикоснулся губами к холодной фотографии, стряхнул иней с шапки, надел её, привычно пробежал пальцами по пуговицам шинели, проверяя, все ли застёгнуты, и решительно направился к распахнутым у часовни ажурным воротам. Оставаться в пустой квартире, где всё напоминало о жене и детях, Осипов не мог и сразу после похорон отправился в обратный путь. По прошествии некоторого времени, его известили о решении суда: Денис Гущин, Артём Дрёмин и Кирилл Пустовалов приговорены соответственно к двенадцати, девяти и семи годам лишения свободы в колонии строгого режима.

– Мягкий приговор... Вышка им корячилась бы до отмены смертной казни в нашей стране... А сейчас? Хотя бы на пожизненное осудили, – возмущались сослуживцы Осипова, узнав о приговоре суда. – Откупились, сволочи... Не иначе... Чтобы скосить сроки своим сынкам, не поскупились их родители на взятки, – высказывали свои предположения моряки. К удивлению товарищей Осипов с нескрываемым удовлетворением воспринял не отличавшийся суровостью приговор.

– Это хорошо, что не на пожизненно... Это хорошо, что мало им дали, – с какой-то злорадной усмешкой повторял Осипов. – Раньше выйдут... Долго ждать их возвращения на волю не придётся...

5

По свидетельству сослуживцев мичмана Степана Осипова, старшина команды гидроакустиков подводной лодки К-75, уволившись с флотской службы, работал матросом на портовом буксире. Потом, ни с кем не прощаясь, он уехал неизвестно куда, и как сложилась дальнейшая судьба ветерана ВМФ, никому не ведомо.

Денис Гуцин, Артём Дрёмин и Кирилл Пустовалов, освободившись из мест заключения, перебрались на жительство в другие регионы необъятной страны. Наследники богатых родителей стали хозяевами в своих городах, без особых трудов завладели там аптеками и частными клиниками, магазинами и ресторанами, холдингами и оптовыми базами, строительными фирмами и заводами. Но вот что интересно...

Года три-четыре назад успешные предприниматели-миллионеры один за другим загадочным образом исчезли после корпоративных попоек на роскошных загородных виллах. Как в воду канули. Их объявили в розыск, и долгое время бизнесменов называли «без вести пропавшими». Обыватели городов, в коих случилась пропажа именитых граждан, находили объяснение в обычном бегстве бизнесменов за границу с мешками денег.

Прошлой весной рыбаки-браконьеры завели в озере невод и вместе с карасями и щуками с невероятным трудом выволокли на камышовый илистый берег тяжёлую железную бочку, залитую бетоном, из которого торчала обглоданная рыбой человеческая ступня. Как установили эксперты, закатанный в цементный раствор человек, связанный по рукам и ногам

колючей проволокой, был некто Дрёмин, бывший вице-мэр, владелец сети супермаркетов и прочих предприятий торговли.

Двумя месяцами позже рабочие из управления жилищно-коммунального хозяйства при откачке фекалий из канализационного колодца обнаружили на дне его труп человека, погружённый в нечистоты с привязанной к ногам гирей. Тело, как выяснилось, принадлежало бывшему депутату областного совета бизнесмену Артёму Гущину.

Нынешним летом бездомные бродяги, заночевавшие в старом бесхозном гараже, заросшем полынью и крапивой, нашли в погребе умершего человека. Крышка люка над лазом была опущена и завалена кирпичами. Судя по тому, что на трупе отсутствовали признаки насильственной смерти, несчастный узник мученически умер в темноте от жажды, от голода и холода. Криминалисты определили личность погибшего по отпечаткам пальцев. Им оказался бывший генеральный директор фирмы «Стойтрест-сервис» Кирилл Пустовалов, о чём кратко сообщала газета «Рассвет» в заметке «Пленник подземелья». По той простой причине, что все три происшествия случились в разных, далёких друг от друга, городах и в разное время, следователи, не располагавшие аналогичной информацией, не объединили их в одно уголовное дело. Они взяли за основу версию «устранение конкурентов», связанную с предпринимательской деятельностью потерпевших. Эти уголовные дела, именуемые работниками правоохранительных органов «глухарями, висячками», не раскрыты по сей день.

Тощие серые папки, хранящие жуткие подробности описания трупов, в отдалении одна от другой на тысячи километров, пылятся в несгораемых сейфах. Надёжно сокрыты они от посторонних любопытных глаз.